

³ Там же. Л.22.

⁴ ГАСО. Ф.358-р. Оп.1. Д.7. Л.99.

⁵ ГАСО. Ф.358-р. Оп.1. Д.5. Л.105.

⁶ Там же. Л.125.

⁷ Там же. Л.203.

⁸ ГАСО. Ф.358-р. Оп.1. Д.11. Л.31.

*С.А. Нефедов
(Екатеринбург)*

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИЧИНАХ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Многие исследователи полагают, что Россия могла бы избежать революции, если бы не Первая мировая война, до предела обострившая социальные отношения в стране¹. Однако вопрос о том, что было бы, если бы не было войны не имеет право на постановку — и не только по той причине, что история не имеет сослагательного наклонения. До появления ядерного оружия войны между великими державами были неотъемлемой частью исторического процесса, и рано или поздно Россия должна была стать участником большой войны. Специфика ситуации начала XX в. заключалась скорее в том, что война почему-то запаздывала. Между окончанием Крымской и началом Первой мировой войны прошло 58 лет, в то время как временные промежутки между большими войнами с участием России в XVI — первой половине XIX в. в среднем составляли лишь 16 лет². Д. Джолл, посвятивший специальное исследование вопросу о возникновении Первой мировой войны, приходит к выводу, что «война не могла не разразиться в данный момент»³.

Таким образом, война была неизбежна. Неизбежна ли была революция? Известно, что в конце войны или после войны революции произошли во всех потерпевших поражение странах, но следует ли из этого, что революция должна была произойти и в России и притом в 1917 г.? Ведь Россия 1917 г. не принадлежала к терпящему поражение блоку, и, с другой стороны, революционные вспышки 1918–1923 гг. в Европе и Азии в значительной степени были вызваны влиянием русской революции 1917 г. Таким образом, причину февральской революции нужно искать в специфических условиях России: это была единственная страна, не выдержавшая испытаний двух с половиной лет войны и «сошедшая» с четырехлетней дистанции. В чем же заключалась специфика России, отличавшая ее от других воюющих стран? Ответ на этот вопрос в целом известен: во-первых, эта специфика заключалась в бедности населения страны (сравнительно с другими «великими державами»), а во-вторых, в глубоком социальном расколе, поразившем русское общество — свидетельством этого раскола была революция 1905 г. Но каким образом эта бедность и этот раскол трансформировались в революцию? Каким был конкретный механизм того взрывного устройства, которое сработало в 1917 г.?

Главной проблемой экономики всех воюющих стран было финансирование огромных военных расходов. В 1914 г. обычные доходы российского бюджета составляли 2,8 млрд. руб., между тем военные расходы за вторую половину 1914 г. составили 2,5 млрд. руб., за 1915 г. — 9,4 млрд., за 1916 г. — 15,3 млрд.⁴ Военные расходы намного превосходили обычные доходы во всех воюющих странах, но в России ситуация намного усугублялась бедностью населения и напряженной социальной обстановкой. Для стран с относительно высоким уровнем жизни, помимо повышения налогов и эмиссии бумажных денег, существовал еще один путь получения доходов — внутренние займы. Правительства этих стран могли опираться на поддержку народа, который готов был кредитовать государство ради будущей победы — и главное, мог кредитовать государство, потому что даже простые люди имели определенные сбережения. В Германии доля займов в годы войны составляла 90 % средств, полученных на внутреннем рынке и 74 % военных расходов⁵. В России бедность населения и гс

нежелание помогать властям привели к тому, что за счет займов было погашено лишь 7,5 млрд. из 30,5 млрд. руб. военных расходов царского правительства, то есть 25 %⁶. Еще 6,3 млрд. руб. (21 %) военных расходов было оплачено за счет внешних займов, которые союзники были вынуждены предоставлять России ввиду ее неспособности самостоятельно вести войну⁷. Таким образом, внутренние и внешние займы покрывали расходы менее чем наполовину, а обыкновенные доходы (несмотря на формальное увеличение некоторых налогов) фактически даже уменьшились, и оставалось единственное средство финансирования войны — печатание бумажных денег. «Какие бы неточности в расчетах ни были, можно смело сказать, что выпуск бумажных денег явился для казны самым главным источником финансирования войны», — констатирует А.Л. Сидоров⁸. В конечном счете, к денежным эмиссиям были вынуждены прибегать и другие страны, но в России — ввиду отмеченных обстоятельств — эмиссия приобрела безудержный характер. По подсчетам А. Гурьева к весне 1917 г. количество бумажных денег в обращении увеличилось во Франции на 100 %, в Германии — на 200 %, а в России — на 600 %⁹.

Эмиссия необеспеченных кредитных билетов должна была привести к галопирующей инфляции, разрушению экономических связей и к потере хозяйственной, а потом и административной управляемости. К ноябрю 1916 г. курс рубля упал до 60 % номинала. Естественным следствием такого положения был рост цен. В 1915 г. цены росли значительно медленнее, чем денежная масса. В первом полугодии 1916 г. рост ускорился, а во втором полугодии цены сделали резкий скачок и обогнали рост денежной массы. В соответствии с общеэкономическими законами это означало, что сократилось количество поступающих на рынок товаров, в том числе главного товара — хлеба. Во всем мире и во все времена реакция производителей на инфляцию одинакова: наблюдая быстрый рост цен, землевладельцы и крестьяне придерживают свой товар, чтобы подать его с большей выгодой, когда цена возрастет. На рынке появляется дефицит хлеба, от которого в первую очередь страдают горожане. Цены в городах быстро растут, у булочных выстраиваются длинные очереди, и массовое недовольство приводит к спонтанным вспышкам голодных бунтов, которые иногда превращаются в большие восстания. Примеры такого развития событий хорошо известны в истории, и мы напомним лишь один из них — это события Великой Французской революции.

В 1792 г., во время войны Франции с Австрией и Пруссией, все лица, годные к военной службе, были допущены в национальную гвардию — то есть народ получил в свои руки оружие. Как и 1914–1917 гг., война финансировалась за счет эмиссии ассигнаций, стоимость которых быстро падала. Уже в ноябре 1792 г. Сен-Жюст говорил, что «система торговли зерном опрокинута неумеренной эмиссией денежных знаков» и предупреждал о грядущих восстаниях¹⁰. К февралю 1793 г. стоимость ассигната упала до 50 % номинала, и 24–26 февраля по Парижу прокатилась первая — чисто стихийная — волна голодных бунтов. Напуганное правительство ввело максимальные цены на зерно, но максимум не соблюдался. Воспользовавшись создавшимся положением, якобинцы сумели превратить стихийное экономическое движение в политическое и объединили лозунги твердой цены на хлеб, изгнания из Конвента жирондистских депутатов, ареста подозрительных и др. Организованное якобинцами вооруженное выступление национальной гвардии 31 мая — 2 июня одержало победу, Робеспьер пришел к власти, но продовольственное положение не улучшалось. 4 сентября вспыхнул новый — снова стихийный — голодный бунт, и Конвент был вынужден объявить «всеобщий максимум», то есть максимальные цены на все товары. Затем последовало введение продразверстки с конфискацией всех излишков по твердым ценам и частичная национализация экономики; сопротивление недовольных было подавлено с помощью «революционного террора»¹¹.

Аналогия в развитии событий в России и в революционной Франции бросается в глаза, и о ней начали говорить еще до начала русской революции. 25 января 1917 г. министр финан-

сов П. Барк, выступая на Петроградской конференции стран Антанты, сообщал, что цены в России поднялись в 4–5 раз, намного больше, чем в других воюющих странах, что если курс рубля не будет поддержан, то «возможна катастрофа, как во время французской революции». Отвечая П. Барку, английский представитель лорд Мильнер признал, что вопрос «курса есть самый трудный вопрос, но, увы, англичане не волшебники»¹². Таким образом, и русское, и английское (и французское) правительства понимали, в каком направлении развиваются события в России, но ничего не могли изменить.

В России хлебное снабжение городов было нарушено уже к осени 1915 г. А.Н. Хвостов, вскоре назначенный министром внутренних дел, уже в октябре этого года предупреждал о надвигающемся топливном и продовольственном кризисе в центральных и северных районах¹³. По данным анкетирования, произведенного в сентябре 1915 г., в Центрально-промышленном районе 88 % городов испытывали недостаток в хлебе; от недостатка хлеба страдали и многие города Черноземья — хотя в соседних деревнях зерна было более чем достаточно. Чтобы обеспечить снабжение городов и закупки для армии большинство губернаторов Европейской России запретили вывоз хлеба за пределы своих губерний, до крайности затруднив хлебную торговлю. Это вынудило хлебных торговцев искать всевозможные лазейки, давать взятки чиновникам и обходить запреты. Многие солидные фирмы, оказавшиеся не в состоянии встать на этот путь, были вынуждены прекратить свою деятельность, а те, которым удавалось провезти хлеб, продавали его по спекулятивным ценам¹⁴.

Население городов отвечало стихийными бунтами, сопровождавшимися разгромом магазинов и торговых кварталов. Число голодных бунтов росло одновременно с ростом цен. Едва ли не большинство участников бунтов составляли женщины. Участие женщин и справедливый характер требований доведенных до отчаяния людей вызывал сочувствие среди привлекаемых для подавления волнений солдат и казаков. Во время голодного бунта 2–3 мая 1916 г. в Оренбурге казаки впервые отказались выполнять приказ атаковать толпу. В дальнейшем такое поведение солдат и казаков стало достаточно типичным: в 1916 г. было 9 таких случаев¹⁵.

В 1916 г. резко уменьшились запасы хлеба на элеваторах, железнодорожных, портовых, торговых и других складах, где велся соответствующий учет. Эти запасы обычно достигали максимума в осенние месяцы, когда на рынок поступал хлеб нового урожая. В ноябре 1915 г. запасы составили 65 млн пуд, затем в ходе обычного торгового цикла они постепенно уменьшались. Но — в отличие от предыдущих лет — осенью 1916 г. запасы не возросли. Урожай 1916 г. был значительно хуже, чем 1915 г., и, наблюдая рост цен в предыдущий период, производители, как помещики, так и крестьяне не продавали хлеб. Инфляционные ожидания были таковы, что ходили слухи о будущем десятикратном увеличении цен. В результате зерно не попало на склады, оставшись в деревне, и запасы уменьшились до критического уровня¹⁶.

Положение с закупками быстро ухудшалось; в октябре 1916 г. было закуплено 49 млн пуд., что составляло лишь 35 % от запланированного количества хлеба, в ноябре — 39 млн пуд. (38 %). В ноябре командующий Юго-Западным фронтом А.А. Брусиков предупредил правительство о надвигающемся голоде в войсках. Правительство осознало, что сам по себе хлеб уже не придет на рынок и необходимо принимать срочные меры. 29 ноября новый министр земледелия А.А. Риттих подписал постановление о введении продразверстки. Для каждой губернии устанавливался объем государственных закупок по твердым ценам, далее он распределялся по уездам и в течение 35 дней должен был доведен до производителей — помещиков и крестьян. В течение 6 месяцев разверстанное количество хлеба было необходимо сдать государственным уполномоченным. Всего предполагалось закупить 772 млн пуд. хлеба для снабжения армии, оборонной промышленности и крупных городов¹⁷.

А.А. Риттих предполагал, что оп «за три недели поставит на ноги продовольственное дело в империи», однако к началу февраля министр был вынужден признать возникшие трудности. Многие губернии требовали уменьшить размеры разверстки, крестьянские общины и помещики отказывались выполнять задания¹⁸. «Если не будет достигнуто необходимое для разрешения продовольственного вопроса объединение всех живых сил страны... тогда, действительно, может наступить катастрофа», — говорил Риттих за две недели до революции¹⁹. В конечном счете к лету 1917 г., уже после революции, было собрано в счет разверстки не более 170 млн тошн зерна вместо намеченных 772 млн.²⁰

Разверстка не удалась, и нужно было искать способы немедленного получения хлеба. В декабре 1916 г. было начато изъятие хлеба из сельских запасных магазинов, в которых деревенские общины хранили запасы на случай голода. Эта мера вызвала бурный протест крестьян и была отменена после того, как столкновения с полицией приняли массовый характер. Были введены надбавки к твердым ценам за доставку зерна на железнодорожные станции; широко использовались угрозы реквизиции у не желавших продавать хлеб помещиков. В декабре удалось закупить 63 млн пуд. (52 % к плану), но почти весь этот хлеб пошел на снабжение армии. Города получали лишь малую часть закупок, задания по снабжению гражданского населения были выполнены в январе на 20 %, в феврале — на 30 %²¹.

К концу 1916 г. продовольственный кризис в городах принял катастрофический характер. Многочисленная мемуарная литература свидетельствует об отсутствии хлеба, огромных очередях у продовольственных магазинов в столицах. Тяжелым было положение и в других городах, даже на Черноземье, где в соседних с городами деревнях от хлеба ломились амбары. В Воронеже население продавали только по 5 фунтов муки в месяц, в Пензе продажу сначала ограничили 10 фунтами, а затем вовсе прекратили. В Одессе, Киеве, Чернигове, Подольске тысячные толпы стояли в очередях за хлебом без уверенности что-либо достать. В декабре 1916 г. карточки на хлеб были введены в Москве, Харькове, Одессе, Воронеже, Иваново-Вознесенске и других городах. В некоторых городах, в том числе, в Витебске, Полоцке, Костроме население голодало²².

Некоторые авторы утверждают, что в непоставках хлеба были повинны железные дороги, не справившиеся с перевозками из-за изношенности подвижного состава и снежных заносов, что хлеб был, но он лежал на станциях²³. Данные, приводимые Н.Д. Кондратьевым, говорят, что это не так. За декабрь 1916 — апрель 1917 г. Петербургский и Московский районы не получили 71 % планового количества хлебных грузов, на 80 % эта непоставка объяснялась отсутствием груза и лишь на 10 % — неподачей вагонов²⁴. В снабжении фронта наблюдалась та же картина: в ноябре 1916 г. фронт получил 74 % продовольствия, в декабре — 67 %. 87 % непоставки интендантских грузов в эти месяцы произошло по вине Министерства земледелия, и лишь 13 % — по вине железнодорожников²⁵.

Уже осенью 1916 г. повышение хлебных цен породило новую волну голодных бунтов и забастовок в промышленных районах. 17 октября началась стихийная забастовка 30 тыс. рабочих Выборгского района Петербурга. Рабочие направились к казармам, где размещалось 12 тыс. солдат 181 полка, и солдаты присоединились к рабочим (правда, они не имели оружия). Казаки отказались стрелять в народ, на подавление бунта был брошен лейб-гвардии Московский полк, после ожесточенных столкновений огромные толпы рабочих и солдат были расстреляны, 130 солдат было арестовано. Однако забастовка продолжалась еще несколько дней, и число бастующих достигло 75 тыс.²⁶

События 17–19 октября по многим признакам (нехватка хлеба как главная мотивация, стихийность, внезапность, участие женщин, переход солдат на сторону народа, отказ казаков стрелять в толпу) напоминают события 23–28 февраля 1917 г., и Л. Хеймсон назвал их репетицией февральской революции²⁷. Эта «репетиция» настолько встревшила Министер-

ство внутренних дел, что оно спешно разослало циркулярные телеграммы с целью выяснить обстановку на местах. 30 октября директор Департамента полиции А.Т. Васильев представил доклад, суммирующий донесения из губерний. В докладе говорилось, что во всех без исключения донесениях главной причиной «озлобления масс» называется «чудовищно растущая дороговизна». Указывалось, что в Москве и Петрограде «оппозиционность настроений» намного превосходит уровень 1905 г., и что если обстоятельства не изменятся, то в обоих городах «могут вспыхнуть крупные беспорядки чисто стихийного характера». Особо отмечалось донесение начальника Кронштадтского гарнизона, который предупреждал, что на подавление беспорядков войсками рассчитывать нельзя ввиду их ненадежности²⁸.

В течение первых двух месяцев 1917 г. установленный план снабжения Москвы и Петрограда хлебом был выполнен только на 25 %. Петроград жил на счет запасов, которые стремительно уменьшались; с 15 января до 15 февраля запасы муки уменьшились с 1426 до 714 тыс. пуд. 13 февраля градоначальник А.П. Балк сообщал премьер-министру, то за последнюю неделю подвоз муки составлял 5 тыс. пуд. в день при норме 60 тыс. пуд., а выдача муки пекарням — 35 тыс. пуд. в день при норме 90 тыс. пуд. К 25 февраля запасы уменьшились до 460 тыс. пуд., а по другим сведениям — до 300 тыс. пуд.²⁹

Английский посол Д. Бьюкенен еще до петроградской конференции в январе 1917 г. попытался предупредить паря о грозящей опасности, он говорил о необходимости примирения с Думой, о жестоком продовольственном кризисе и о ненадежности войск. «Революция носилась в воздухе, — писал Д. Бьюкенен, — и единственный спорный вопрос заключался в том, придет она сверху или снизу... Народное восстание, вызванное всеобщим недостатком хлеба, могло вспыхнуть ежеминутно»³⁰. Когда на торжественном обеде 3 февраля (нового стиля) Д. Бьюкенен сказал императору, что, по его сведениям, продовольственное снабжение прекратится через две недели, и что нужно спешить с принятием мер, то император согласился и прибавил, что «если рабочие не будут получать хлеба, то, несомненно, начнутся забастовки»³¹. После окончания конференции, провожая своих делегатов, французский посол М. Палеолог поручил им передать президенту, что Россия находится накануне революции, что в октябре посланные на расправу с рабочими полки уже поворачивали свое оружие против полиции и в случае восстания царское правительство не сможет рассчитывать на армию³².

Таким образом, механизм февральского революционного взрыва был достаточно обычным: эта бомба взрывалась уже не раз. В бедной и расколотой социальным кризисом стране военные расходы могли финансироваться только за счет эмиссии бумажных денег. Эмиссия должна была неизбежно вызвать галопирующую инфляцию, расстройство товарооборота, и исчезновение товаров с прилавков — прежде всего исчезновение хлеба. В условиях остро социального недовольства, правительство долго не могло решиться на введение продразверстки, а когда решилось — не смогло провести ее в жизнь. В результате города остались без хлеба и начались голодные бунты. Кривая числа голодных бунтов, рвущаяся вверх вместе с ценами, показывает, что исхода не было, что нарастающий бунт масс должен был сокрушить Империю. И, как было показано выше, это понимали почти все политические лидеры, знакомые с реальной ситуацией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: Хаймсон Л. Политический и социальный кризис в России (от капитуляции Первой мировой войны до Февральской революции) // Россия XXI. 1998. № 9–10. С. 137–138.

² Мы не учитываем «малые» войны со слабыми противниками: с Персией, с Польшей после 1700 года, с Турцией после 1700 года, со Швецией после 1730 года.

³ Джолд Д. Истоки первой мировой войны. Ростов-на-Дону, 1998. С. 396–397.

⁴ Погребинский А.П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М., 1968. С. 125, 130.

⁵ Шигалин Г.И. Военная экономика в первую мировую войну. М., 1956. С. 301, 306, 309.

- ⁶ Погребинский А.П. Указ.соч. С. 125; Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917). М., 1960. С. 151.
- ⁷ Там же. С. 441.
- ⁸ Там же. С. 149.
- ⁹ Там же. С. 146.
- ¹⁰ Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. Т. III. М., 1979. С. 429–438.
- ¹¹ Собыль А. Первая республика. 1792–1804. М., 1974. С. 60, 44, 46, 82–83.
- ¹² Сидоров А.Л. Указ.соч. С. 430, 432.
- ¹³ Дякин В.С. Русская буржуазия и шаризм в годы первой мировой войны. 1914–1917. Л., 1967. С. 132–133.
- ¹⁴ Китанина Т.М. Война, хлеб, революция. Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 г. Л., 1985. С. 63, 190; Кондратьев Н.Д. Указ.соч. С. 144.
- ¹⁵ Кирьянов Ю.В. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 — февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 3–18.
- ¹⁶ Кондратьев Н.Д. Рынок хлеба и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. Табл. 36; Пайтс Р. Русская революция. Ч. I. М., 1994. С. 275.
- ¹⁷ Китанина Т.М. Указ.соч. С. 217, 255–259; Кондратьев Н.Д. Указ.соч. С. 200–201. Табл. 5.
- ¹⁸ Погребинский А.П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы первой мировой войны // Исторические зап. 1950. Т. 31. С. 57–58.
- ¹⁹ Цит. по: Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 493.
- ²⁰ Погребинский А.П. Сельское хозяйство... С. 58.
- ²¹ Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961. С. 268; Китанина Т.М. Указ.соч. С. 218; Кондратьев Н.Д. Указ.соч. С. 288.
- ²² Погребинский А.П. Сельское хозяйство... С. 54, 56; Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Революция и хлеб. М., 1990. С. 59; Китанина Т.М. Указ.соч. С. 334.
- ²³ См. например: Сидоров А.Л. Экономическое положение... С. 611.
- ²⁴ Кондратьев Н.Д. Указ.соч. С. 288.
- ²⁵ Подсчитано по: Васильев Н. Транспорт России в войне 1914–1918 гг. М., 1939. С. 90, 91. Табл. 36.
- ²⁶ Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Указ.соч.
- ²⁷ Хэймсон А., Бриан Э. Стачечное движение в России во время мировой войны: количественный анализ // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. М., 1992. С. 103.
- ²⁸ Буржуазия накануне февральской революции. М.–Л., 1927. С. 136–138.
- ²⁹ Дякин В.С. Указ.соч. С. 314; Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Указ.соч. С. 59; Китанина Т.М. Указ.соч. С. 254; Февральская революция 1917 года: Сб. документов и материалов. М., 1996. С. 43, 48. Шестаков А.В. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед октябрем 1917 года. Л., 1927. С. 54.
- ³⁰ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата: Воспоминания, мемуары. М., 2001. С. 213, 217–220.
- ³¹ Там же. С. 224.
- ³² Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1996. С. 196.

*И.Н. Никулина
(Барнаул)*

К ВОПРОСУ О ПРЕБЫВАНИИ ССЫЛЬНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КАТОЛИЧЕСКОГО ДУХОВЕНСТВА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 30-х — 50-х гг. XIX в.

Польская ссылка в Западную Сибирь в 1830-х — 1850-х гг. являлась составной частью истории политического изгнания деятелей освободительного движения в России. Используя ссылку в качестве одной из наиболее распространенных репрессивных мер против участников национально-освободительного движения в Царстве Польском, российское самодержавие стремилось удалить на окраины страны лиц, представляющих реальную угрозу для существовавшей системы управления польскими землями в составе Российской империи.

Вслед за ссылкой в Сибирь декабристов началось применение этой меры наказания к участникам польского восстания 1830–1831 гг., среди которых были представители католического духовенства, активно содействующие освободительному движению, а затем и ко многим неблагонадежным в политическом отношении ксендзам, пребывание которых в Сибири и станет предметом нашего рассмотрения.

Не случайно в 1834 г. министром внутренних дел Департамента духовных дел иностранных исповеданий генерал-губернатору Западной Сибири было предложено